Молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем

И-ай на горах-то, на горах да на высокиих,
На шоломи было окатистом,
Эй там стоял-постоял да тонкой бел шатёр,
Эй тонкой бел шатёр стоял да бел полотняной.
И-эй во том во шатри белом полотняном
И-эй тут сидит три удалых да добрых молоцца:
И-эй во первых-де старой казак Илья Муромец,
И-эй во вторых-де Добрынюшка Никитиц млад,
Во третьих-де Олёшенька Поповиц был.
Они стояли на заставы на крепкое
И-эй стерегли-берегли да красен Киев-град,
Они стояли за веру за христианскую,
Що за те же за церквы всё за Божьии.
И по-й утру ле добры молоццы пробужаюцсэ,
Э они свежой водой ключавой умываютцэ,
Тонким белым полотенцом й-утираюцсэ.
Выходил-де старой казак из бела шатра,
Он смотрел же в подзорную во трубочку,
Он на все же на четыре да кругом стороны:
Во первой-то стороны — да горы лютыи,
И во второй-то стороны — да лесы темныи,
Во третей-то стороны — да синё морюшко,
Во четвёртой-то стороны — да цисто полюшко.
Он смотрел же, гледел да вдоль он по полю,
По тому же роздольицю широкому,
Ко тому же ко морюшку ко синему.
От того же от морюшка от синего
Не погода ле там да поднималасе,
Що не пыль ли во поле роспылаласе —
Ишше идёт удалой да доброй молодець
И не приворациват на заставу на крепкую,
Он и прямо-то едёт да в красен Киев-град.
Тут заходил старой казак в тонкой бел шатер,

Говорыл же он братьям своим крестовыим:
«Уж вы ой еси, братьица мои крестовые,
Во-первых, ты, Добрынюшка Микитиц млад,
В-третьих же, Олёшенька Поповиц был!
Уж вы що же седите да цего знаите?
Как наехал на нас и супостат велик,
Супостат-то велик, удалой доброй молодець:
Как и едёт молодець-от в красен Киев-град,
А не приворациват на заставу на крепкую,
Он и прямо ведь едёт в красен Киев-град!»
А-й посылают Олёшеньку Поповица:
«Поежжай-ко, Олёшенька, попроведай-ко!»
Выходил же Олёшенька из бела шатра,
Засвистел-де Олёшенька добра коня.
Как бежит его конь да из циста поля,
Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
Тут крутешенько Олёшенька коня седлал,
Он седлал, он обуздал коня доброго,
Он вязал же пад<п>ружечки шелковые
(Ишше семь-то под<п>ружок да едного шолку,
А восьмая под<п>руга из семи шолков,
Ише та же под<п>руга через хребётну кость) —
А не ради басы, а ради крепости
Да ради опору богатырского:
Не оставил бы конь да во цистом поли,
Не пришлось бы молоццу пешком итти.
Он седлал, он обуздал коня доброго,
Он взял же доспехи боґатырские.
Только видели Олёшеньку: в стремяна ступил,
А не видели поезки боґатырское.
А увидели: на поли курева стоит,
Курева где стоит — да пыль столбом валит.
Наежжал он удалого добра молоцца —
Засвистел-де Олёша по-соловьиному,
Заревел-де Олёшенька по-звериному,
Зарычал же Олёшенька по-туриному,
Зашипел он, Олёшенька, по-змеиному, —
Ишше едёт молодеч, он не огляницсэ.
Ишше тут же Олёшенька прироздумалсэ —

Поворацивал Олёшенька добра коня,
Поскакал же Олёшенька ко белу шатру.
Приежжал же Олёшенька ко белу шатру,
Тут крутешенько Олёшенька во шатёр бежал,
Говорил же он братьям своим крестовыим:
«Уж вы ой еси, братьица мои крестовыи,
Во-первых, ты, старой казак Илья Муромец,
Во-вторых-де, Добрынюшка Никитиц млад!
Ишше едёт молодець — да не моя чета,
Не моя-де чета да не моя верста!
Ишше едёт молодець да по чисту полю,
Он своима доспехами потешаицсэ:
Он востро копьё мецёт по поднебесью,
Он правой рукой мецёт, да левой схватыват;
На правом его плеци сидит да млад сизой орёл;
На левом плеци сидит да млад белой кречат;
Впереди его бежит да два серых волка,
Два серых же волка, да два как выжлога;
Назади его бежит да две медведици!»
Посылают Добрынюшку Микитиця.
Выходил-де Добрынюшка из бела шатра,
Засвистел-де Добрынюшка добра коня.
Как бежит его конь да из циста поля,
Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
Как крутешенько Добрынюшка коня седлал,
Он седлал и уздал да коня доброго,
Он вязал же под<п>ружецьки шелковые
(Ише деветь-то под<п>руг да едного шолку,
Как десятая под<п>руга да из семи шолков,
Ишше та же под<п>руга церез хребётну кость) —
Не для-ради басы, а ради крепости,
А для-ради опору богатырского:
«Не оставил бы конь миня во чистом поли,
Не пришлось-де молоццу пешком итти».
Он накладывал седёлышко церкальсцето,
Надевал он уздицьку да всё тесмянную,
Он и брал себе пле[ё]тку да всё ремянную,
Он и брал все доспехи да богатырскии:
Он и взял все три вострыя ведь сабельки,

Он и брал все три булатны копьица,
А подвязал он себе ведь острой мець,
Он и брал же тугой лук розрывцивой,
А он надевал же налуцишо каленых стрел,
Надевал на главу да шляпу греческу.
Он и с братьеми крестовыма прошшаицсэ:
«Вы простите-ко, братьица крестовыи,
Во-первых-де, старой казак Илья Муромец,
Во-вторых-де, Олёшенька Поповиц был!
Уж есьле мне на поли как смерть будёт —
Увезите меня да в красен Киев-град
Да предайте меня да ко сырой земли!..»
Тут крутешенько Добрынюшка на коня скочил,
Он ише того скоре да в стремяна ступил.
Только видели: Добрынюшка в стремяна ступил,
А не видели поезки да богатырьскои.
А увидели: на поли курева стоит,
Курева где стоит — да пыль столбом валит.
Наежжал он удала да добра молоцца;
Объеж[ж]ал он удалого да добра молоцца:
Ишше едёт, молоццю да всё встречаицсе.
(Кабы че́слив был Добрынюшка — оче<с>тливой:
Он и знал же спросити, про себя сказать.)
Тут соскакивал Добрынюшка со добра коня,
Он снимал же свою да шляпу греческу,
Как низко молоцьцику поклоняицсе:
«Уж ты здрастуёшь, удалой да доброй молодець!
Ты куда же едёшь да куда путь держишь?»
Говорит тут удалой да доброй молодеч,
И говорит-то он да выхваляецьсе,
Он своима доспехами потешаицьсэ:
Он востру саблю мецёт по поднебесью,
Он правой рукой мецёт, левой схватыват;
Ише сам из рецей выговарыват:
«Уж я еду прямо в красен Киев-град!
Уж я хо́чу, ведь Киев-от в полон возьму,
Я князя Владимера под мець склоню,
А Опрак[с]ею-кнегину да за себя возьму,
Уж я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,

Я святыя иконы да копьём выколю,
Злато-серебро телегами повыкачу,
Я попов-потриархов всех под меч склоню,
Християньскую веру да облатыню всю,
Ваши головы богатырей повырублю
А на копьиця головушки повысажу!»
Ишше тут же Добрынюшка не-й ослушалсэ:
Как заскакивал Добрыня да на добра коня,
Поскакал-де Добрынюшка ко белу шатру.
Приежжал же Добрыня да ко белу шатру —
Тут крутешенько Добрынюшка со коня скоцил,
Тут ише того круце да во шатёр бежал,
Говорыл же он братьям своим крестовыим:
«Уж вы ой еси, братьиця крестовыи!
Как наехал на нас да супостат велик,
Супостат-то велик, удалой доброй молодець!
Ише едёт молодець, он да потешаицьсе —
Он востро копьё мецёт по поднебесью,
Он и сам из рецей да выхваляицсэ:
„Ише еду я прямо в красен Киев-град!
Уж я хоцю, Киев-от в полон возьму,
Уж я князя Владимера под мець склоню,
Я Опраксею-кнегину да за себя возьму,
Уж я Божии-ти церкви да все под дым спушшу,
Я святыя иконы да копьём выколю,
Я попов-потриархов всех под меч склоню,
Злато-серебро телегами повыкачу,
Ваши головы богатырей повырублю,
Как на копьиця головушки повысажу”!»
Ишше тут же старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе:
Сомутились у старого да оци ясные,
Росходились у старого да руки белые.
Выходил-де старой да из бела шатра,
А засвистел-де старой казак добра коня.
Как бежит его конь да из циста поля,
Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
В теменях-то старой казак коня седлал:
А он вязал же подпружечки шелковые

(Как двенаццать-то под<п>ружок да едного шолку,
А тринацата под<п>руга да из семи шелков,
Ишше цистых шелков да шамахиньскиех;
Ишше та же под<п>руга церез хребётну кость —
Она не для-ради басы, а ради крепости,
Как для-ради опору богатырского —
Ишше та же под<п>руга церез хребётну кость!),
Он накладывал седельцё да всё черкальцето,
Надевал он уздицьку да всё тесьмянную.
Он и взял свои доспехи да боґатырскии:
Он и взял все три вострыя-то сабельки,
Он и брал три булатные все копьица,
Подвязал же старой, он да себе, он вострой мець,
Он и брал ведь тугой лук розрывцивой,
Надевал же он латы да всё кольцюжные,
Как на те жа на латы на кольцюжныи
Надевал же налуцишше каленыех стрел,
Он и брал же цинжалишше булатноё.
Тут скорешенько, старой, он на коня скочил,
Как ишше того круце да в стремяна ступил.
Только видели старого — да в стремяна ступил,
А не видели поезки да боґатырьское.
А увидели: на поли курева стоит,
Курева-де стоит — да пыль столбом валит.
Наежжал он удала да добра молоцца,
Объежжал он удала да добра молоцца.
А не две ле горы да сокаталосе,
Как не два ле сокола да солеталосе,
Как не два богатыря да соежжалосе —
Соежжалисе да тут отець с сыном.
Во первых они съехались вострыма копьеми:
По насадоцькам копьиця изломалисе,
А от рук руковятоцьки загорелисе —
Они тем боём друг друга не ранили.
Во вторых они съехались вострыма саблеми:
По насадоцькам сабельки поломалисе,
А от рук руковятоцьки загорелисе —
Они тем боём друг дружку не ранили.
Да тянулись на тягах да на железныих

Церез те же церез грывы да лошадиные:
Ишше тяги железны да изломалисе —
Они тем же боём друг дружку не ранили.
Соскоцили они да со добрых коней,
Как схватилисе они да в рукопашный бой.
Они бьютсэ-деруцсэ да трои суточки —
По колен они в землю да утопталисе.
Окользнула у старого да ножка правая,
А преуслабла у старого да руцька левая:
Как упал же, старой, он на сыру землю.
Тут наскакивал Сокольник да на белы груди,
А он ростегивал латы его кольцюжные,
Он вымал же цинжалишшо булатноё —
Он и хочот у старого пороть белы груди,
Он и хочот смотреть да ретиво серьцё.
Ишше тут же старой да казак возмолилсэ:
«Уж ты Спас, ты Спас да Многомилослив,
Присвятая Мати Божья Богородиця!
Я стоял ведь за веру да провославную,
Я стоял же за церкви да всё за Божие,
Я стоял же за чесныя манастыри,
Я стерёг-берёг да красен Киев-град —
А лёжу я тепере да на сырой земли
Под тема же руками да барсуманина,
А глежу я тепере да во сыру землю!»
Ишше тут же старой казак почуствовал:
Ишше тут же у старого вдвоё силы прыбыло.
А он брал же Сокольника во белы руки,
Как вымётывал Сокольника по поднебесью —
Выше лесу его да он стоячего,
Ниже облака его да всё ходячего.
Как вымётывал его — всё подхватывал,
Тут скакал же ему да на белы груди.
Как ростегивал латы его кольцюжные —
Как увидял на ём да крест серебряной,
Имянной его — да Ильи Муромца.
Говорыл тут старой-от да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Ты коей же земли да коего городу?

Ты какого оцца да коей матери?»
И говорит же Сокольницёк таково слово:
«Когда был я у тя да на белых грудях —
Я не спрашивал не имени, не вотцины,
Не отечества я, не молодечества!»
Тут и брал его старой-от да за белы руки,
Поднимал тут его да на резвы ноги,
Цёловал его во уста да во сахарные,
Называл его сыном да всё любимыем.
Тут садилисе они да на добрых коней,
Тут поехали молоцьцики ко белу шатру.
Тут стречают-то братья-то его крестовые:
А во-первых-де, Добрынюш[к]а Микитиць млад,
Во-вторых-де, Олёшенька Поповиць млад.
Тут соходят-то молоццы со добрых коней,
Становили они коней к одному корму,
Ишше сами входили да в тонкой бел шатер.
Говорит тут старой казак таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Ишше как же те имя, да как те вотцина?»
И говорит тут удалой да доброй молодець —
Ишше стал же молодьцик да всё росказывать:
«От того я от морюшка от синего,
От того я от камешка от Латыря,
Я от той же от бабы, да от Златыгорки.
Ишше имя мне, вотчина — Сокольницёк,
А по чистому полю я наезницёк,
А лет мне от роду да всё двенаццатой!»
Говорит тут старой он да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодеч!
Поежжай-ко ко морюшку ко синему,
Ко тому же ко камешку ко Латырю,
Да ко той же ко бабы, да ко Златыгорки,
Да ко той же ко маменьки родимое!
Подрости-ко-се лет ишше двенаццэть ты,
Тогда и будёшь по полю поляковать!»
Ишше тут же молочьчику не пондравилось:
Выходил же Сокольницёк из бела шатра,
Да скакал-де Сокольницёк на добра коня —

Поскакал-де Сокольницёк ко синю морю,
Как поехал он к маменьки родимое.
Приежжаёт тут к маменьки родимое —
Да стречает его маменька родимая.
Он и слова со матерью не молвил же,
Он взял же копейцё да всё булатноё —
Он сколол же маменьку родимую.
Ише тут же Златыгорки славы поют.
Тут скакал же Сокольницёк на добра коня,
Как поехал Сокольницёк ко белу шатру —
Ишше хочот сколоть да Илью Муромца.
Подъежжаёт Сокольницёк ко белу шатру —
Ише в ету ведь пору да и во то время,
После же той же ведь битвы да всё великоей,
При(й)уснули тут да добры молоццы
Как крепким он[и] сном да боґатырскиим:
Как не слышили потопу лошадиного.
Как соскакивал Сокольницёк со добра коня —
Сомутились у Сокольника оци ясныя,
Росходились у Сокольника руки белые:
Ише брал же Сокольницёк востро копье[ё],
Ише хочот сколоть да Илью Муромца —
Ише прямо направил да в ретиво серьцё.
На груди у Ильи да был имянной крес,
И из чистого он был как золота,
Не велик и не мал — да ровно три пуда.
А как попало копейцё да в имянной-от крес —
Скользён[ул]о оно да во сыру землю,
Как ушло оно в землю да всё во пять сажон.
Ото сну ле тут старой он да пробужаицьсе,
Как с великой передряги да просыпаицсэ,
Как увидял Сокольника оци ясныя.
Как не мог же Сокольницёк-то справицсэ:
Как схватил же Сокольника в руки белые,
А как вымётывал Сокольника по поднебесью —
Выше лесу его ноньце стояцего,
Ниже облака его да всё ходяцего.
А как вымётывал его — да не подхватывал.
И упал же Сокольницёк на сыру землю —

Как едва же Сокольницёк, едва дыхат.
Тут скакал-де старой казак на белы груди,
Как ростегивал латы его кольцюжные.
Ишше взял же цинжалишшо булатноё —
Роспорол же Сокольницьку белы груди,
Росколол у Сокольника ретиво серьцё.
Ишше тут же Сокольницьку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.